

ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПОДДАННЫЕ: ВЕКА СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Материалы Третьей региональной научной конференции
г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.

УДК 930.1.

ББК 63.3

Г 55

Г 55 Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния.

Материалы Третьей региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – 330 с.

ISBN 978-5-88242-670-4

В сборник вошли материалы Третьей региональной научной конференции историков и обществоведов, тематика которой включает проблемы генезиса государства с древнейших времен до наших дней, вопросы истории взаимоотношений государственных и общественных институтов в отечественной и всеобщей истории. В конференции приняли участие ученые из городов Центрального Черноземья (Воронежа, Липецка, Белгорода, Курска, Тамбова, Ельца), а также и из других регионов России.

Для историков, обществоведов, всех интересующихся актуальными проблемами истории и обществознания.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

В. Н. Глазьев (отв. редактор)

А. Г. Глебов

Д. В. Акимов (отв. секретарь)

Т. В. Жибррова

УДК 930.1.

ББК 63.3

ISBN 978-5-88242-670-4

© Коллектив авторов, 2009

© Издательство «Истоки», 2009

некоторых отрешают от духовного управительства и назначают по своей воле, не отписываясь к архиерею. Из Военной коллегии войску Донскому была послана грамота, предписывающая запретить Войску вступать в духовные дела и касаться «до чина духовного», а также отдано приказание об исполнении архиерейских указов без всякого отрицания, «чтобы непорядков происходить не могло» (18).

Однако стоит привести и примеры дружественных отношений воронежских иерархов со светскими администраторами. Например, с вице-губернатором С.А. Колычевым, который принял присягу от Пахомия (19), у этого архиерея сложились хорошие отношения, а возможно, даже дружеские. На этот вывод нас натолкнул факт того, что воронежский администратор иногда делал митрополиту подарки, в частности, подарил серебряную солонку (20).

Таким образом, с одной стороны церковь оказывала духовную поддержку высшим государственным osobам, прибегала к правовой поддержке гражданских властей для борьбы с расколом. Однако конфликтные отношения духовенства имело с представителями практических всех степеней бюрократического аппарата. Неприязнь эту легко объяснить, учитывая факты постоянного вмешательства светских властей в церковные дела.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., например, РГАДА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 2931. Л. 1; ГАВО. Ф. И-184. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.; Там же. Ф. И-297. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 1.
2. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 222.
3. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 161. Л. 48 об.
4. Там же. Ф. 1170. Оп. 1. Д. 2. Л. 23 об., 24 об.-25.
5. ОДИД. Т. 8. С. 346-347.
6. Там же. Т. 14. С. 444.
7. ГАВО. Ф. И-246. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об., 21, 27 об., 29, 43 об.
8. См., например, РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 938. Л. 8-19.
9. Там же. Стлб. 466. Л. 9-13, 23-29, 31, 37-42, 45-46.
10. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 255. Л. 6 об.
11. Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1886. Кн. 2. С. 327.
12. РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 1539. Л. 190-193.
13. См., например, ГАВО. Ф. И-222. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.
14. ОДИД. СПб., 1878. Т. 2. Ч. 2. С. 267-268.
15. Введенский С.Н. Данные о св. Митрофоне Воронежском (из архивных разысканий) // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5. С. 141-142.
16. Приходо-расходные книги Воронежского архиерейского дома времен св. Митрофана (1699-1704) / Сообщ. Н.И. Поликарпов // Труды ВУАК. Вып. 1. Воронеж, 1902. Отд. II. С. 33.
17. Введенский С.Н. Данные о св. Митрофоне Воронежском ... С. 142-144.
18. ОДИД. СПб., 1908. Т. 20. С. 621.
19. РГАДА. Ф. 248. Кн. 68. Л. 272 об.-273.
20. ОДИД. СПб., 1880. Т. 4. С. 408.

ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ РУССКИХ ПОДДАННЫХ ИЗ ТУРЕЦКОГО ПЛЕНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Н.А. Комолов

Воронежский филиал Российского государственного социального университета

В результате набегов крымских и ногайских татар на южнорусские земли в XVI-XVII вв. тысячи людей были угнаны в плен. Эта ситуация сохранилась и после Азовских походов 1695-1696 гг. Впоследствии неоднократно происходили взаимные размены русских и татарских пленников.

Большое значение в решении этой проблемы имела русско-турецкая Комиссия в Транжаменте (выявлено 8 ее названий – Канцелярия комиссионерских дел, Комиссия об обидных с Турской областью делах, Комиссия по расследованию обид русским подданным турками и татарами, Комиссия ради розыска и освидетельствования в обидах с турецкой стороны подданным Е.И.В. и т.д.). Это временное учреждение было образовано вследствие именного указа в середине ноября 1718 г. и проработало со значительными паузами, формально не закрываясь, до начала 1743 г. Комиссия была создана с целью обмена пленными и возмещения убытков, причиненных населению Азовской, Казанской и Киевской губерний в 1715–1718 гг. кубанскими татарами, ногайцами и казаками-некрасовцами под общим предводителем Бахты-Гирея.

Комиссия действовала сначала в Острогожске, затем в Транжаменте (крепость, построенная в двух верстах выше Черкасска в 1712 г.) и крепости Святой Анны. Работала она в форме «съездов» и «конференций» нерегулярно, с большими перерывами (июнь–ноябрь 1719 г., сентябрь–декабрь 1721 г., ноябрь 1722 – август 1724 г., 1728–1736 гг.). Комиссарами, которые вели переговоры и дела с русской стороны были: в 1719 г. – бригадир П.В. Измайлов и полковник И.И. Тевяшов, в 1721–1722 гг. – И.И. Тевяшов, в 1722–1724 гг. – он же и асессор Иностранный коллегии М.Р. Ларионов, в 1725 г. – М.Р. Ларионов («съезда» не было), в 1726–1727 гг. – бригадир П.В. Измайлов, в 1727–1728 гг. – комендант Транжамента П.В. Григоров, в 1729 г. – комендант Транжамента полковник П. Роговской, затем генерал-майор А.И. Тарасов, в 1729–1731 гг. – бригадир, затем генерал-майор И.В. Стрекалов, после него до формального (фактически в 1736 г.) окончания деятельности Комиссии в 1743 г. – коменданты крепости Святой Анны: бригадир В.И. Заезерский, генерал-майор И.М. Шувалов и полковник И. Вырубов (1).

Первые съезды были сорваны по вине турецкой стороны. Тем не менее, в августе 1719 г. П.В. Измайлов писал из Транжамента в Воронеж, что турки отдали 600 пленников, в том числе жителей Азовской губернии (2). Это лаконичное известие, вероятно, детализируется следующим донесением. Бригадир П.В. Измайлов и полковник Рыбинского (Острогожского) полка И.И. Тевяшов писали в коллегию Иностранных дел, что им было прислано из Азова российских пленных, найденных в Крыму и на Кубани 564 человека, нагих, босых, еле живых от голода. Комиссары просили принять указ о пропуске тех пленных и впредь возвращаемых с Дона через учрежденные от «морового поветрия» форпосты и о выдаче им денег на одежду и пропитание.

15 октября 1719 г. Сенат предписал возвращенных российских пленников пропустить с Дона в их родные места жительства, предупредив, чтобы они шли через безопасные от эпидемии районы. На еду и на дорогу каждому разрешалось дать по рублю, а на одежду – по полтине человеку из Штате-контор-коллегии «откуда пристойно». Отсутствие четкого указания источника финансирования, по всей видимости, означало, что оплата превратилась в затяжную бюрократическую процедуру, и неудивительно, что названная коллегия обоснованно требовала ясности в этом вопросе (3).

По имеющимся данным, в 1719 г. в Транжамент доставили 837 пленных, которых комиссары отпустили по домам. Посчитав свою миссию выполненной П.В. Измайлов самовольно уехал с комиссии (вероятно в Павловск, где он руководил гарнизоном в качестве обер-коменданта). За это комиссар склонялся выговор, не имевший, впрочем, для него никаких серьезных финансовых последствий.

Эстафету же по делам комиссии принял И.И. Тевяшов (умер в 1725 г.) (4), к которому затем присоединился чиновник внешнеполитического ведомства М.Р. Ларионов. В период их комиссарства состоялось решение, повлиявшее на предпочтение кандидатуры нового атамана на Войска Донского. В 1723 г. умер атаман В. Фролов, его преемником выбрали боевого участника Северной войны и Персидского похода Ивана Матвеевича Краснощекова (5). Однако руководить казачьими делами ему не пришлось. Комиссия в Транжаменте постановила возместить ущерб за разбитые И.М. Краснощековым турецкие повозки. В Петербурге посчитали

такое начало атаманства предосудительным, и во главе Войска был поставлен до указа старшина А.И. Лопатин (6).

Первые «конференции» в рамках рассматриваемой комиссии состоялись в 1722 и 1724 гг. по инициативе турок в связи с набегами на Крым донских казаков и калмыков во главе с И.М. Краснощековым (Хромым). Несмотря на то, что русские притязания оставались без удовлетворения, за набег казаков было выплачено около 4000 руб., а его организаторы до конца 1725 г. находились в Транжаменте под следствием и арестом. Своими действиями Россия пыталась, конечно, вызвать турок на взаимность, но результатом было и поддержание с ними видимости миролюбивых отношений.

Ситуацию вокруг донских старшин И. Краснощекова и Д. Ефремова, которые вследствие турецких «претензий» содержались на поруках в Павловском остроге, члены Верховного тайного совета обсудили 18 февраля 1726 г. По распоряжению императрицы старшин было приказано освободить, отдать им 10000 руб. для распределения между казаками – участниками Персидского похода 1722 г., а на проезд из той суммы выдать бывшим узникам 500 руб. 10 июня 1726 г. воронежский губернатор Г.П. Чернышев сообщил об освобождении донских старшин из-под ареста и возвращении на службу (7).

В ноябре 1728 г. в Транжамент «под дирекцию» генерал-фельдмаршала князя М.М. Голицына был назначен генерал-майор А.И. Тараканов. Среди прочего ему поручалось разбирать вместе с крымским ханом и пашей Азова ссоры и обиды, наносимые подданными обеих сторон и делать «на обе стороны удовольствие и сatisfaction». В этом деле А.И. Тараканову предписывалось руководствоваться наказом из Иностранной коллегии, отсюда же дать переводчика (8) и канцеляриста, способного вести «пограничные дела». Кроме того, по рассмотрению М.М. Голицына выделялись подъячие из учреждений Воронежской губернии (9).

С середины 1720-х гг. вплоть до осады Азова 1736 г. основное содержание деятельности комиссии составляла переписка о пограничных спорах и стычках, допросы пленных, приезжавших в Транжамент «выходцев» из турецких владений, ездили в Азов за покупками солдат, казаков, а также курьеров (10). В дальнейшем комиссия фактически прекратила свою деятельность.

Как решался вопрос о возмещении россиянам вреда за пребывание в плену? Огнестрельное законодательство на этот счет было достаточно противоречивым. С 1718 г. за «полонное терпение в турецкой земле» солдатам, драгунам и казакам выплачивались суммы, определяемые длительностью плены: за 3 года – 3 руб., за 7 лет – 5 руб. 60 коп., за 14 лет – 20 руб. Впоследствии выносились решения, создававшие новые прецеденты.

В 1723 г. одному казаку было выдано 10 руб., а спустя несколько лет два драгуна, вышедшие из Хивы за 10 лет пребывания «в варварских руках» получили по 20 руб. на человека. Т.е. год плены в данном случае был равен 2 руб. В 1727 г. еще двум бывшим турецким пленникам, пробывшим в этом статусе соответственно 14 и 15 лет, выдано жалованье по «средней даче» 10 руб. человеку. Хотя десятилетием ранее за это давалось ровно в 2 раза больше.

В 1727 г. солдату Семеновского полка К. Кирилову за долговременное у турок «полонное и каторжное терпение» с 1709 по 1726 гг. Сенат расщедрился одобрить выдачу 20 руб. Размер определялся тем, что рядовой принадлежал к элитному гвардейскому полку (11).

По идее, чем дольше подданный российского монарха находился в иноземном плену, тем на большее вознаграждение за свои муки он мог рассчитывать. Однако, как видим, сумма всякий раз была различной и зависела от обстоятельств, изложенных в жалобе конкретного лица. Поэтому в дальнейшем сумма возмещения была унифицирована.

Вопросы выплаты русским подданным компенсации за «полонное терпение» регулировались именным указом от 21 июня 1731 г. и сенатским указом от 11 сентября 1732 г. Первый нормативный акт предусматривал вышедшем из турецкого плены драгунам и солдатам давать жалованье, как и прежним выходцам, по 10 руб. человеку из Воинской коллегии. Указывался и источник суммы – остаток от исполненного комплекта полков (12). Второй указ под-

тврждал размер возмездия, устанавливая его и на будущее, однако изменил ведомство и статью – из Штате-конторы, из неположенных в штат доходов (13).

Плен в раннем детстве мог впоследствии стать одним из источников пополнения по-датного населения. В апреле 1735 г. в Сенат из Воронежской губернской канцелярии было послано следующее доношение. В 1721 г. из Транквамента в Воронеж были присланы взятые кубанцами в разные годы русские пленные, которых вывезли из Кубани и отдали в Россию в 1719 г., малолетних от 4 до 7 лет. Всего их было 99 человек: 35 мужского и 64 женского пола. Разумеется, в силу возраста они не помнили своих родителей и мест проживания, поэтому для воспитания и «прокормления» были отданы от губернской канцелярии помещикам и одноворцам Воронежа и уезда. Во время же переписи новые наставники объявили лиц мужского пола в «сказках», поэтому их написали за теми в подушный оклад, который за них и платили владельцы. Некоторые приемщики потом женились на крепостных. А, став совершеннолетними, просили освободить их от своих владельцев, чтобы жить им «кто где пожелает». Губернская канцелярия самостоятельно не могла разрешить этот вопрос, но высказывала мнение, что если их от тех обывателей «выключить», то они за отсутствием родственников, могут своими «своевольствиями» разбрестись в разные места или в казачьи городки, отчего пострадает подушный оклад.

Сенат, конечно, учел интересы государства, отказал просителям в освобождении и 22 мая 1735 г. приговорил оставить безродных россиян за их новыми хозяевами (14).

Статья 7 Белградского мирного договора от 18 сентября 1739 г. предусматривала, что все пленные, взятые до и во время минувшей войны с Турцией, кроме переменивших вероисповедание, должны быть освобождены без денежного выкупа и размена. Важным дополнением этой статьи было то, что ее положения касались также пленных россиян, обнаруженных в плену после заключения данного договора или во время его действия (15).

В конце 1739 г. появилось новое распоряжение верховной власти, касающееся выходящих из турецкого плена российских пленных. По всей видимости, этот сенатский указ от 28 декабря 1739 г. имел региональную направленность. Адресатом указа выступал консул Арапов, находящийся в Гиляни, которому следовало таким бывшим пленным давать 5–10 руб. каждому на одежду и пропитание из неокладных доходов Астраханской губернии (16).

26 августа 1741 г. в Константинополе между Россией и Портой была заключена конвенция, 2-я статья которой констатировала, что положение Белградского мирного договора о возврате с обеих сторон пленных исполнено лишь отчасти. Вновь подтверждалась необходимость немедленного выполнения статьи договора 1739 г., не распространяемой на лиц, принявших веру страны пребывания. Содержалось новое уточнение, что Россия обязывалась в первую очередь освободить офицеров и представителей знати Османской империи, особенно боснийцев (17).

Новый крымский хан Селямет-Гирей II (1740–1743), сменивший умершего Менгли-Гирея II, писал в 1742 г. к атаману Войска Донского Д. Ефремову, что старается искать в Крыму русских пленных. Найденных, кроме принявших ислам, отправили в Азов на 3 судах. Крымчанам стало известно, что в верхних казачьих городках были обнаружены 23 пленника: 22 женщины и 1 малолетний. Посланный от Д. Ефремова к хану казак В. Пушкирев возвратившись, объявил, что хан «стокмо на словах отдачу пленных обещает», а на деле «отговорку чинит». Кубанский же сераскер и прямо отказался отдать пленных (18). Такая позиция, по всей видимости, вызвала недовольство турецкого правительства, которое вовсе не было заинтересовано в эскалации напряженности с Россией и нуждалось в сохранении Белградского мира. Неудивительно, что Селямет-Гирей был вскоре отставлен. Недовольство вызвала его неспособность держать в послушании татар вообще, которые сопротивлялись выдаче русских пленников в силу мирного договора, грабили и брали в плен казаков, приезжавших за солью (19).

Проблема массового возвращения русских подданных из турецкого пленя вновь актуализировалась только в 1769 г., когда вследствие последнего опустошительного набега крымского хана на южнорусские земли было пленено около 1800 человек.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 249–253.
2. ГАВО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 5. № 3434.
4. Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 1994. С. 107.
5. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 427–428.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. IX. Т. 18. С. 516.
7. Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). СПб., 1886. Т. 55. С. 49–50, 151, 394.
8. Бывший при М.М. Голицыне переводчик с турецкого языка, ученик Д. Чегодарев, находящийся в Транжаменте, оказался к своим обязанностям не способен (Сборник РИО. СПб., 1893. Т. 84. С. 699).
9. Там же. Т. 84. С. 696–699.
10. Бабич М.В. Указ. соч. С. 249–253.
11. Сборник РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 565–566.
12. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 8. № 5787.
13. Там же. № 6179.
14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 849. Л. 484–485; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 9. № 6737.
15. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 10. № 7900.
16. Там же. № 7986.
17. Там же. СПб., 1830. Т. 11. № 8435.
18. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Ед. хр. 84. Л. 4–7, 17 об.–18.
19. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 69.